

ГЕННАДИЙ МАЕРКОВ

Куда спешишь, летишь ты, Время?

РУБАИ

Геннадий Матвеевич Маерков
Куда спешишь,
летишь ты, Время? Рубаи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617210

ISBN 9785448328732

Аннотация

В настоящий сборник хакасского поэта вошло то лучшее, состоявшееся, что было представлено в сборниках: «Год лошади порой встречаются» (2003), «В тысячелетия падают века» (2004), «Я только встать успел на стремя» (2006), «Напевы грустные чатхана» (2008), «Самохвал» (2010), «Жарки Хакасии моей» (2012). Это стихи о большой и малой родине, матери, природе, любви и размышления о прошлом и настоящем.

Содержание

«Жарки, жарки Хакасии моей...»	6
«Лев Толстой молвил просто, красиво...»	7
«Юрта, сердца юрта средь равнины вольной...»	8
«Луна щекой к кургану прислонилась...»	9
«Мне было тридцать, я совсем не спал...»	10
«Пикульки, милые пикульки...»	11
«Всегда небес лазурь и синь...»	12
«Друзья черноголовые...»	13
«Присели среди трав березы...»	15
«Полощет заря свои руки...»	16
«Пасется конь мой вороной...»	17
«Курю, курю... пора, пожалуй, бросить...»	18
«Степной орел ложится на крыло...»	19
«Бывает, светлую порою...»	20
«Тарелка» радио простая...»	21
«Где вы, хулители шедевров...»	22
«Ширь полей в груди не вмещающая...»	23
«Прижал небо к крыльям орел мой степной...»	24
«Родных тасхылов шлемы, пики...»	25
«Цветастый плащ к ногам своим осинник...»	26
«Из скальных плит крутила жернова...»	27
«С попоны, матерью расшитой...»	28
«Юрта небес моих, синих и нежных...»	29

«Заката грива захлестнула...»	30
«Еще живет мой Абакан...»	31
«Стреножен конь мой вороной...»	33
«Мне говорила мать: «Не трогай, сын, турпанов...»	34
«Платок хакасский, бисером расшитый...»	35
«У края сжатой дальней нивы...»	36
«Я надену рубаху простую...»	37
«Древний город гуннов под землей с дворцами...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Куда спешишь,
летишь ты, Время?**

Рубаи

Геннадий

Матвеевич Маерков

© Геннадий Матвеевич Маерков, 2016

ISBN 978-5-4483-2873-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Жарки, жарки Хакасии моей...»

Жарки, жарки Хакасии моей
В ладонях трав, на плечах косогоров
Рассыпались огнями средь полей
Земли родной бесценные узоры.
Они зимой цветут в моих глазах,
И жду весну и лета поскорее,
И даже смерть сама – не страх,
Улыбкой матери они меня согреют.
К цветам прекрасным – вечная любовь,
И пусть уйду, не встретив лета,
Но поле опрокинутых жарков
На небе звездами мне будет светом.

«Лев Толстой молвил просто, красиво...»

Лев Толстой молвил просто, красиво,
Будто бы высек на камне кургана:
«Я б не так сильно любил мать-Россию,
Если бы не было Ясной Поляны».
То же скажу о Хакасии милой —
Жить не могу без ковыльных просторов,
Небо держащих атлантов-тасхылов¹,
Рек и озер, и тайги разговоров.
Родина малая люлькой качает
В травах узорчатых вешнюю степь,
Жаворонком звонким над ней замирает,
Просит народ, чтобы выжил, окреп.
Жизнь моя в юртах с их дымкою синей,
В цокоте звонком и ржанье коней...
Это – Хакасия, это – Россия,
Богом скрепленных до данных им дней.

«Юрта, сердца юрта среди равнины вольной...»

Юрта, сердца юрта среди равнины вольной
Бриллиантом светит под луною полной,
На восьми огранках пышет жаром солнца,
Как изба из сказки, кругом без оконца,
Облаком на взгорье, Ставкой предка-хана,
Прошлым, настоящим дремлет среди курганов.
Юрта, сердца юрта, юрта-восьмигранник.
В ней живу, дышу я – гость ее и странник.
Может, ночью лунной, той, что так любил я,
Лягу ближе к юрте, сложив руки-крылья,
Лебедь одинокий, брошенный друзьями,
Забелею камнем под восьмью ветрами.

«Луна щекой к кургану прислонилась...»

Луна щекой к кургану прислонилась,
Касаясь трещин, вековых морщин,
Им оказав и честь, и жалость, милость,
Чтоб не терялись средь холмов, долин.
Чтоб передать курганы утром Солнцу,
Тысячелетия так плавно шли.
И я увижу вновь из светлого оконца
Сакральный знак родной своей земли.

«Мне было тридцать, я совсем не спал...»

Мне было тридцать, я совсем не спал,
Моя уж треть осыпалася цветом,
Над нею стынет в искрах краснотал,
Склоняясь над рекой под ветром.
Вещунья-птица сорок лет
Давненько мне откуковала,
Я меньше стал плясать и петь,
Наверно, это старости начало.
Как хороша ты на весеннем свете
Черемух пенных, вставших в хоровод,
Тебе подобную здесь где-то
Я потерял под пенье талых вод.
Твоя улыбка ярким перламутром
Пусть жизни озаряет путь,
А я прощаюсь с уходящим утром,
Любуюсь тем, что больше не вернуть.

«Пикульки, милые пикульки...»

Пикульки, милые пикульки
Моей Хакасии степной!
Зимой стоят под ветром гулким
Забывтой юртой под луной.
Но по весне ковром зеленым
В красивейших степи цветах
Встают на радость всем влюбленным,
Как песни праздника в шатрах.
Готовы к жизни, Тун пайраму
Цветами мая отзвенеть,
Им жеребенок утром ранним
В прыжках желает много лет.
Из них мальчишкой среди друзей
Когда-то плел бичи и плетки,
Свистел свирелью из стеблей,
Венок подбрасывал залетке.

«Всегда небес лазурь и синь...»

Всегда небес лазурь и синь
Среди пикулек рассыпались,
Я подбирал их, юрты сын,
Хочу, чтоб и другим достались.
Очей динлинов синева
В пикульих шапках догорает,
Их слава воинов, слова
С глубин веков мне светят раем.
Пикулек синие глаза,
Глаза давно ушедших предков,
Пусть смотрят, как смотреть нельзя
Без ласки и добра, на деток.

«Друзья черноголовые...»

Друзья черноголовые
Собрались у костра,
Плясать и петь готовые,
В свой круг сманив меня.
Танцуй, пой, чернобровая,
На косах диск луны,
Сапожки сшиты новые,
Цветасты и легки.
На плечах плат узорчатый
И на груди пого.
Тебя ли мне пророчили,
Друг, выбери кого.
Оттопали, прохлопали,
Умчались в неба ширь
Иль затерялись во поле,
Забыв меня и мир.
И журавлями серыми,
Собравшись в длинный клин,
Ночлеги метят перьями,
Упавших из седин.
Летят путями торными,
Свернув с тропы вчера.
И за друзьями гордыми,
Пожалуй, мне пора.

«Присели среди трав березы...»

Присели среди трав березы
В платках хакасских, украшая дол,
Под песни грустные роня листья-слезы
К ногам своим, на золотой подол.
Подросток-ветер, удивленный, смирный,
Порою гладит пальцем красный лист.
Осенний сон плывет и дышит миром,
Горит над родиной рябины кисть.

«Полощет заря свои руки...»

Полощет заря свои руки
Средь вод на реке Абакан,
Забыв все страдания и муки,
Несу красоте ее дань.
Хакасское яркое платье,
Расшитый узорами плат.
И вместе с росой я плачу,
И вместе с рекою ей рад.
Покой. Песни вод в краснотале,
Мир шумный далек и забыт.
Пусть зорька над родиной малой
Соцветьем жарков вся горит.

«Пасется конь мой вороной...»

Пасется конь мой вороной,
И плеть реки средь трав забыта,
Блестит чеканкой под луной
Подковою копыта.
Ребенком дремлет Абакан,
На плесах распластавшись.
Тайменя медные бока
Мелькнут средь струй уставших.
Стоит мой конь на берегу,
Потряхивая гривой,
Река и он нас берегут,
Я потому счастливый.

«Курю, курю... пора, пожалуй, бросить...»

Курю, курю... пора, пожалуй, бросить,
Заплатно грудь по вечерам хрипит,
На голове гнездо свила мне проседь,
Птенец любви, вражды в нем сладко спит.
Растопчет счастье, верно, кукушонок
И горе вытолкнет из старого гнезда,
Давно-давно я вышел с распашонок...
Качнулась в небе и моя звезда.

«Степной орел ложится на крыло...»

Степной орел ложится на крыло,
Над степью круг за кругом чертит.
Под нею прошлое ковылью поросло,
А над орлом и ангелы, и черти.
Ложится вправо – Бог благословляет,
Налево – нечисть тормозит.
Добро и зло живущих направляют,
И я среди них туда-сюда – транзит.
Куда крыло его меня забросит?
Но верю – под курганами усну,
Орлиный буду слышать посвист,
Какую Бог ни дал бы мне цену.

«Бывает, светлую порою...»

Бывает, светлую порою
На чистом небе пол-луны
Сияет боком юрты белой,
Крылом забытой старины.
Там скакуны на коновязи
Средь бирюзовой красоты
Мне гривой облачную машут,
Как паруса большой мечты.
Мечты о прошлом, настоящем,
Прекрасном будущем во сне,
И половинкой белой чаши
Они сияют предкам, мне.
Под лунной призрачною ртутью
Я сам, как призрак, проплыву
К кострам хакасов, к белой юрте,
Когда меня к ним позовут.

«Тарелка» радио простая...»

«Тарелка» радио простая
Сводила с музыкой меня,
Дуэт Полины, Лизы, тая,
Не угасал с закатом дня.
В таштыпской дальней глухомани
Онегин, Ленский пели мне,
Козловский, Лемешев Саяны
Седлали, мчались в вышине.
Дробь музыкальная алыпов
В «три карты» топотом слились,
Графини старой слышал всхлипы
И Германа скольжение вниз.
Сегодня нет уж тех «тарелок»,
Чайковский реже все звучит,
Забут и Ленский. Мир так мелок —
Сплошное шоу, хиппи, хит.

«Где вы, хулители шедевров...»

Где вы, хулители шедевров
Петра Чайковского? Ау!!!
Где судьи без весов и нервов?
Осадком музыки ушли ко дну.
Плывет над озером, над миром
Воздушный танец лебедей.
Маэстро стал степи кумиром,
Струной чатханной для людей.
Он – наш хайджи. И наши души
В аккордах блещут, как пого.
Потомков дальних вечно уши
Раскрыты будут для него.
И потому ему внимаю,
И потому ему молюсь,
Что Петр Ильич переплетает
Мою Хакасию и Русь.

«Ширь полей в груди не вмещающая...»

В. Г. Чаптыкову

Ширь полей в груди не вмещающая,
В небо соколом в клетке рвешься,
Как весной ручьи, голос твой звучит,
Среди трав степных рассыпаясь.
С песней стал родным всем хакасам,
Людам, что живут с ними в братстве,
Дружбы жар большой голос светлый твой
К небу музыки поднимает.
Малой родине он – богатство,
Родничок в лесу чистый, звонкий.
Припаду к нему, может быть, пойму
Глубину, исток наших песен.

«Прижал небо к крыльям орел мой степной...»

Прижал небо к крыльям орел мой степной,
Кружится над юртой, играет со мной.
Блестя опереньем, мне «зайчики» шлет,
Мальчишку с пикулек он к солнцу зовет.
Бегу следом радостный, громко крича,
Бодрю лошадь-палочку, в кисти – хамча.
По кругу орлиному долго скакал,
На старости вижу – тебя не догнал.
Лети, мой хороший, и к солнцу зови,
Другие поднимутся к солнцу любви
И рядом с тобою закончат полет,
И я успокоюсь, боль сердца замрет.

«Родных тасхылов шлемы, пики...»

Родных тасхылов шлемы, пики
И латы льдистые плывут
Над горизонтом. Руки, лики
Меня покаяться зовут.
Юнцом, рабочим экспедиций
Средь них с котомкою шагал,
Не зная предков всех традиций,
Я им не кланялся, шакал.
Стрелял в кедровок, коз кормящих,
Бурундуков в котел таскал.
Как много нас здесь проходящих,
Кто щедр на зло, свинец и сталь.
В верховьях синих Абакана,
В соседних реках Мрас, Иксу
Рвал динамит, всю рыбу рая, —
Безмозглых царь, бандит в лесу.
Простите ль вы меня за это,
Мне посылая скорбный взгляд,
И не дождусь от вас привета —
Застыли в пиках, бликах лат!

«Цветастый плащ к ногам своим осинник...»

Цветастый плащ к ногам своим осинник
Небрежно сбросил – сказочный богач,
Из золота и щит, и шлем с алмазом синим,
И медных бляшек праздничный кумач.
В рубашке белой и по росту длинной
На взгорье юртой смотрит грустно вниз.
От дел, забот уходит дед-осинник,
Родной земле отдав последний лист.

«Из скальных плит крутила жернова...»

Из скальных плит крутила жернова,
Из колосков зерно для нас молола,
Струился мамы пот, а не слова —
Военная досталась доля.
Любовь к нам матерей безмерна,
Неблагодарность наша не нова.
Когда-то все изменится, наверно...
Все крутятся и мелют жернова.

«С попоны, матерью расшитой...»

С попоны, матерью расшитой,
Стекают реки и ручьи,
Вдоль берегов сверкает жито,
В нем солнца замерли лучи.
Орнамент радужного неба
В концы попоны крепко вшит,
И нива будущего хлеба
Переливается, шумит.
Цветы по центру вязи редкой
Достойны жить, расти в раю,
Попона матери и предков
Пусть греет Родину мою.

«Юрта небес моих, синих и нежных...»

Юрта небес моих, синих и нежных,
Землю объав от морей и до гор,
Спит, разметнувшись, спокойно, безбрежно,
Сроду не зная ни окон, ни штор.
Через тундук, необъятный, просторный,
Звезды орнаментом платья горят,
Предков ушедших там дух, светлый, горний,
Вечный покой там, нетлеющий сад.
И потому на душе мне спокойно,
Как заколдованный в небо смотрю.
В юрте земной я, прохожий бездомный,
Землю и небо благодарю.

«Заката грива захлестнула...»

Заката грива захлестнула
Степь, убегающую вдаль,
И речки тихие, без гула,
И горы с бронзой, как медаль.
Арканом взор мой к ним притянут,
Курганным камнем сам застыл.
Не этим ль вечером завянут
Цветы любви моей без сил?
О ком вечерние молитвы?
Я с ним встречался иль знаком?
Да, это – я, в степи забытый,
Да, это – я, с копыта ком!

«Еще живет мой Абакан...»

Еще живет мой Абакан,
Бревенчатый, старинный,
Врастая в землю по бока,
Со шляпой крыш в морщинах.
В глазах-оконцах слабый свет
Пока еще теплится,
И пыль на них ушедших лет
Сидит усталой птицей.
Во взгляде грустном по весне
Косыночки ранеток —
Иль наяву, или во сне —
Мелькают рядом где-то.
Среди черемух гибкий стан
Девичий проплывает.
Еще живет мой Абакан
В цвету и лет не знает.
И сыплет цветом белый рай,
Мой Абакан вздыхает,
В его душе «Цветущий май»
Вновь патефон играет.
Еще живет мой Абакан,
Бревенчатый, старинный,
Врастая в землю по бока,
Со шляпой крыш в морщинах.

«Стреножен конь мой вороной...»

Стреножен конь мой вороной,
Пучком передние копыта,
Свисает грива пеленой,
И плеть дорог дождем размыта.
Сижу поодаль, пень пеньком,
Душа кандальная повита
Железной цепью и замком.
Мой конь и я сегодня слиты.

«Мне говорила мать: «Не трогай, сын, турпанов...»»

Мне говорила мать: «Не трогай, сын, турпанов,
И даже целиться не вздумай, мальчик, в них,
То души сгинувших охотников в Саянах,
Их стон – боль матери, теряющей родных!
На красном оперении кровь, может,
Из нанесенных ран хозяином тайги,
На темных перьях – крик на смертном ложе:
«О мама, мать! Сыночку помоги!»
Когда турпаны стонут в поднебесье,
В душе страдаю по-мужски, без слез.
Родная мать! Я перед ними честен,
Готов им сердце свить венками роз.

«Платок хакасский, бисером расшитый...»

Платок хакасский, бисером расшитый,
На косах ночи призрачно повис,
Зерно к зерну срываются на жито
Бусинки бисера и звездный лист.
Спокойно на душе, и я, счастливый,
Беспечно в высь бездонную смотрю
С холмов Хакасии, России.
Родных богов за жизнь благодарю.

«У края сжатой дальней нивы...»

У края сжатой дальней нивы
В раздумье ходят косачи,
Березки машут желтой гривой,
Вздыбились к небу кедрачи.
Под ними белые копытца
Беянок, свеженьких груздей
Прикрыты шалью листьев, ситцем
Хакасской осени моей.

«Я надену рубаху простую...»

Я надену рубаху простую,
Зауздаю коня-жеребца,
Пред любимой, красуюсь, гарцуя,
Сохраню, может, вид молодца.
Попрошу ее вскользь лишь глазами,
Потушив в них тщеславия сталь,
Чтоб на гонках больших Тун пайрама
Ей меня стало, гордого, жаль.
В скачке бешеной и скоротечной
Лишь на миг придержала б коня
И качнулась всем сердцем беспечно
В мою сторону, стан наклоня.
Я б схватил бы ее, обнимая
Птицу счастья, быть может, навек.
Пожалей же меня, дорогая,
Мой единственный, мой человек!

«Древний город гуннов под землей с дворцами...»

Древний город гуннов под землей с дворцами,
С крепостной стеною, башнями-венцами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.